

Николай Иванович
ЛЕОНОВ
1933–1999

Николай
ЛЕОНОВ

*Трактир
на Пятницкой*

•

Агония

Санкт-Петербург

*Трактир
на Пятницкой*

Глава первая

ПАШКА АМЕРИКА

Пашка стоял на излюбленном месте — у мануфактурной лавки Попова. Перевалило за полдень, стало жарко, а клиент не появлялся. Два раза можно было взять по мелочи, и приказчик Федор многозначительно подымал бровь, но Пашка не шевелился и провожал мелкую рыбешку равнодушным взглядом. На то он и был Пашка Америка, фартовый вор, известный каждому деловому человеку на Пятницкой, Ордынке, Кадашах и даже Сухаревке, чтобы не разменивать себя на пятаки.

Федор постучал в окно, и Пашка вошел в лавку.

— Что же ты? — выдохнул Федор. Он копался в своих книгах и исподлобья поглядывал на Пашку. — Мильона ждешь?

— Подсказчик липовый. Groшовая твоя душа. — Пашка длинно сплюнул на дощатый пол. — У старухи если и есть червонец, так она его из рук не выпустит, а краля зашла на твой барахляный товар позевать, у нее, кажись, и на трамвай нету...

Федор открыл было рот, но дверной колокольчик предостерегающе звякнул, и приказчик заспешил на встречу покупателю.

Пашка посмотрел на щуплую дамочку, прижимающую к груди выдавший виды ридикюль, профессионально определил, что она сегодня не завтракала и обедать пока не собирается, пнул ногой дверь и вышел на улицу.

Лавка эта была хороша для Пашки и тем, что стояла на пути к большим магазинам, и все, кто отправлялся за покупками, обязательно заглядывали в нее. А Пашка уж безошибочно определял, есть ли у человека деньги, где они лежат и стоит ли связываться. Пять дней назад он здесь наколот жирного гуся, который принес Пашке двадцать червонцев. Но это было пять дней назад, а сейчас от этих червонцев осталась лишь головная боль.

Пришло время обедать, и он бодро зашагал по Пятницкой. Чумазый парнишка на углу торговал папиросами. Увидев Пашку, он ловко подхватил спадающие штаны и, шлепая по булыжникам коваными подошвами солдатских ботинок, подбежал к Пашке.

— Завязал, Америка? На сегодня контора закрыта? — спросил он.

— Перерыв на обед, Шкет Иванович. Скоро вернусь. Ты жди, сегодня будет удача.

— Купи папиросочку, Америка. Сделай почин, поддержи мою коммерцию. — Пацан протянул раскрытую пачку «Люкса».

— Уговорил, купец. — Пашка взял пару папирос, одну бросил в рот, а другую заложил за ухо.

— Прошу, гражданин-товарищ-барин, — в одно слово выпалил пацан, артистически взмахнул рукой, и в заскорузлой ладошке заплясал огонек спички. — Прикурите-с. Четвертачок, Америка.

— На обратном пути, купец. Смотри штаны не потеряй. — Пашка шлепнул его по затылку и пошел в пивную Когана, где мог перекусить в долг. По дороге он думал, что удачи сегодня не будет. И если бы он спяну вчера не обещал Нинке отметить ее день рождения в «Балчуге», то пошел бы сейчас спать. Какая же работа с похмелья!

Увидев Пашку, старик Коган быстро налил кружку пива, наложил на тарелку сосисок и швырнул ее по стойке. Кружка с тарелкой, как связанные, скользнули

по белой жести и остановились перед Пашкой. Пока он ел, старик с полотенцем в руках сидел рядом, молчал, вздыхал и смотрел на Пашку грустными слезящимися глазами.

— На мели сидишь. Может, передумал, Паша? — спросил он, когда Пашка отодвинул пустую тарелку и закурил. — По краешку ходишь, не ценишь себя. С твоей внешностью и моим опытом мы бы такую коммерцию организовали!

— Не таракти. — Пашка встал. — Расплачусь позже.

— Подожди. — Старик взял его за рукав. — Утром заходили двое, расспрашивали.

— Знаю я их. — Пашка рыгнул и потянулся. — Районная уголовка. Я им ни к чему. Они рабоче-крестьянскую собственность берегут. Их такие, как Серый, интересуют. Только не вздумай капать. У Серого разговор короткий. — Пашка провел большим пальцем по горлу. — Понял?

— Серый сегодня был. Так я его предупредил, а он смеется.

— Ну-ну. — Пашка махнул рукой и вышел на улицу.

И тут он увидел человека, которого ждал полдня. Увидел, не поверил глазам и зажмурился. Может, он пропадет, развеется как дым? Но тот упрямо стоял, держал в руках бумажник и был красив в своей фразерской непосредственности. Это был толстый мужчина. По шелковой бабочке, галифе и мягким хромовым сапогам Пашка определил, что фраер залетный, то есть не москвич. Он покупал какую-то дребедень в открытой лавке и держал в руках бумажник, а тот раздувался и готов был лопнуть, как фаршированная щука.

Пашка смахнул со лба выступивший пот, вытер руки и подошел ближе. Мужчина, самодовольно улыбаясь, оглядел разложенный на прилавке товар и сказал:

— Эту... как ее... — Он пальцем очертил над головой круг.

— Шляпу, — подсказал продавец и повторил: — Шляпу, — внимательно посмотрел на покупателя, — гражданин желает шляпу... Так-так. — Продавец пожевал губами, взял одну шляпу, другую, положил на место. Потом решительно вынул из-под прилавка соломенное канотье. — Пожалуйста. — Он отвернулся и стал переключивать на полке товары.

Станичник надел канотье, посмотрел на себя в зеркало и недовольно хмыкнул.

— Гражданин, — обратился к нему продавец, — где тот босяк, что торговал у меня шляпу? Простите! — Он прижал к груди руки. — Это вы?! Боже мой! В этой шляпе вы вылитый Чемберлен!

— Осади. Не на такого напал. — Станичник снял канотье и бросил на прилавок.

Когда он отошел, продавец перегнулся через прилавок и тихо сказал Пашке:

— Не забудьте зайти за шляпой, молодой человек. Она вас ждет.

Пашка рассмеялся и опять вытер лоб. Он не отрываясь смотрел, куда же станичник положит бумажник.

Чудеса продолжались. Клиент сунул бумажник в задний — чужой, как его называют деловые люди, — карман и пошел, широко расставляя ноги и задевая прохожих плечами.

Пашка двинулся следом, свистнул и, когда папиросник подлетел, бросил сквозь зубы:

— За мной. Возьми еще одного.

Клиент перешел мост, и Пашка испугался, что тот осядет в «Балчуге», а туда Пашке заходить было нельзя. Но клиент прошел мимо ресторана и направился в торговые ряды.

На углу перед торговыми рядами стоял карманник Колька Свищ. Он увидел толстяка и сделал стойку. Проходя мимо, Пашка ткнул его локтем в живот и услышал за спиной завистливый шепот:

— Фартовый ты, Америка.

Пашка не стал спорить. Наступали решающие мгновения. Надо подойти вплотную. И все. Только подойти.

Пацаны крутились рядом и ждали сигнала.

Толстяк остановился у рыбной лавки и, разинув рот, уставился на огромного осетра, подвешенного за жабры.

— Я пошел, мальчики, — прошептал Пашка и бегом пустился к толстяку. На секунду он к нему прислонился, и бумажник перекочевал в Пашкины брюки, скользнул по колену и тяжело плюхнулся в потайной карман у щиколотки.

— Сколько же эта рыбина стоит? — Толстяк отставил ногу и подбоченился.

Рыбник перестал точить нож, посмотрел на толстяка, потом на Пашку и криво улыбнулся.

— Непродажный осетр. — Потом, видимо, не удержался и добавил: — Да и денег-то у вас, гражданин хороший, нет.

Толстяк полез в карман, нахмурился и закричал.

Пашка стоял в двух шагах и удивленно смотрел на багровое лицо с вздувшимися веревками вен. Он знал, что его крестник будет кричать. Но такого крика Пашка еще никогда не слышал. На этот рокочущий, срывающийся на визг вопль как по команде откликнулись:

— Атаc! Срываешься!

И в стороне замелькали вихры мальчишек.

Пашка посмотрел в спину рванувшемуся, как борзая, крестьянину и спросил рыбака:

— Так сколько же стоит этот осетр?

— Ладно, топай себе, Америка. Нечего зубоскалить, и так торговля ни хрена не идет.

— Каждому по труду. — Пашка развел руками и пошел.

Бумажник тяжело мотался в брючине и бил по ноге. У «Балчуга» Пашка вновь увидел своего крестника. Тот, отдуваясь и вытирая струившийся по жирной шее

пот, что-то объяснял равнодушным прохожим. Пашка точно знал, что именно объясняет прохожим толстяк, и на всякий случай перешел на другую сторону. Он завернул в ближайший двор и, присев на ящик из-под пивных бутылок, вытянул свою добычу. Денег было много. Пашка даже не стал считать их, а просто сунул в карман тугую пачку хрустящих червонцев. Кожаный бумажник с монограммой он бросил за ящик. Жалко, но ничего не поделаешь. Так и сгореть недолго.

Пашка гоголем прошелся по Пятницкой. Дал червонец пацанам, которые уже торговали на своем углу. Купил у них пачку папирос и пообещал, что скоро придет опять. Остановился у лавки, где полчаса назад толстяк торговал канотье, заплатил за него вдвойне и, нахлобучив на голову, отправился к Когану.

— Эх, разменяйте мне сорок миллионов! — крикнул он, появляясь в дверях. — Получи-ка должок. — И бросил червонец на прилавок. — Да налей стопарик.

— Так не положено, Паша, — зашептал старик, быстро пряча деньги. — Я же на водку разрешения не имею.

— А ты налей две: одну мне, другую себе.

— Широкий ты человек, Америка. Недаром от тебя все девки без ума.

От удачи и водки у Пашки кружилась голова. Он решил зайти к Нинке, договориться с ней о вечере, кивнул старику и, громко хлопнув дверью, вышел на улицу. Хотел остановить лихача и подкатить к Нинкиной хате с шиком, но передумал. В неудобном месте жила девка — прямо напротив районной уголовки. На лихаче там появляться ни к чему. С Нинкой он гулял вторую неделю.

Пашка поравнялся с отделением милиции.

— Паша!

Он остановился и с недоумением посмотрел на незнакому худенькую девушку.

— Угости папиросочкой, Америка, — сказала девчонка и отвернулась.

Пашка вынул пачку папирос и молча протянул, девчонка вытянула губы трубочкой, прикуривала сосредоточенно, словно выполняла сложное и ответственное дело. Когда Пашка рассеянно кивнул и двинулся дальше, девчонка бросила папиросу, вздохнула и, подняв худые плечи, пошла в другую сторону.

Пашка выпятил грудь и засвистел. Пусть смотрят граждане начальники: идет человек, и ничего такого за ним не имеется. Около этого двухэтажного дома у Пашки каждый раз пересыхает во рту и ужасно хочется заглянуть внутрь, посмотреть, что они там делают. Он косит глазом и, еле волоча ноги, проходит мимо закрытой двери.

— Антонов! Антонов!

Пашка было приостановился, пытаюсь вспомнить, где он слышал эту фамилию.

— Антонов! Павел! Ты что, оглох, парнишка?

Пашка остановился и медленно повернулся.

Рядом стоял начальник уголовного, известный среди блатных под кличкой Лошадник.

— Фамилию собственную забыл. — Начальник оглядел Пашку, снял с него шляпу, повертел в руках, рассмеялся и спросил: — Каждую кражу отмечаешь обновкой?

— О чем это вы, гражданин...

— Климов, Василий Васильевич, — перебил начальник и протянул Пашке шляпу. — Держи. И зайди на минуточку. Разговор есть. — Он круто повернулся и зашагал во двор уголовного.

«Почему Лошадник? Типичная обезьяна, — думал Пашка, глядя на низкорослого, широкоплечего человека на толстых кривых ногах. — И руками аж по коленям шлепает». Пашка замешкался на пороге. Может, сорваться?

Климов обернулся:

— Страшно стало?

Пашка вошел, сел на предложенный стул и огляделся. Видно, бьют не здесь. Окна настезь, ежели зарорать, так на всей Пятницкой слышно будет. Ну, для того и подвалы существуют. Интересно, зачем он меня затынул? А может, рыбник накапал? Нет, тогда повязали бы на улице и этот черт ногой не шаркал бы — «зайди на минутку».

— О чем это ты мечтаешь, Павел? — Климов снял пиджак и расстегнул рубашку. — Чтобы вокруг тебя были одни слепые и у каждого из заднего кармана бумажник торчал? Об этом, что ли?

— Какой бумажник? — Пашка посмотрел Климову в лицо.

— Ладно, это я так. Может, ты совсем о другом мечтаешь. — Климов миролюбиво улыбнулся и стал набивать трубку. — Кури.

Пашка вытащил «Люкс» и закурил.

— Много я о тебе слышал, Павел Антонов. Ребята шутят, что ты когда-нибудь наган у меня срежешь. — Климов похлопал себя по боку.

— Этим не интересуюсь, — Пашка улыбнулся и опустил глаза, — не по моей части.

— Серый интересуется.

— Какой Серый? — Пашка незаметно вытер о колени вспотевшие ладони. — Что-то вы путаете, начальник.

— Тот самый, что третьего дня комиссионный магазин пытался взять и сторожа убил. Смотри в глаза. — Голос у Климова погустел и налился злобой.

Пашка поднял голову и встретился с черными маленькими, как буравчики, глазами.

— Я тебя воспитывать, стервеца, не буду. — Климов постучал трубкой по столу. — Ты при советской

власти растешь, должен соображать, что к чему. Отец где?

— Убили в германскую.

— Мать?

— Белые убили.

— А ты вор. Да еще с Серым путаешься. Если в тебе гражданской совести нет, то к убийцам родителей хотя бы личную ненависть иметь должен!

— Что-то вы темните, начальник. Политику вяжете. Папаню с маманей приплели. — Чувствуя, что против него ничего конкретного нет, Пашка обнаглел. — Не берите меня на характер. Я не мальчик и крику не боюсь.

Климов засопел трубкой и тихо спросил:

— И сколько же тебе, не мальчику, годков?

Пашка промолчал. Что ему надо, этому головастики? Ишь, башка огромная, бритая, шея жилистая. Силен, наверное. Наверняка силен, раз Фильку Блоху один повязал.

— Считаешь, что ли? — Климов ухмыльнулся. — Семнадцать тебе годков. Другие в твоем возрасте какие дела делают. — Он задумался и стал ковырять свою трубку. — Я в семнадцать лет вот эту трубку от комбрига получил. — Он ткнул мундштуком Пашке в лоб. — Да тебе все это...

— Что это, начальник? — перебил Пашка. — «При советской власти растешь, должен понимать, что к чему»... А кто сейчас понимает, что к чему? — Пашка посмотрел в удивленное лицо Климова и продолжал: — Буржуи были? И сейчас есть. Бедные, богатые, все по-старому, начальник. Так что вы эту трубочку верните своему командиру, честнее будет...

Климов, стараясь быть спокойным, сказал:

— О политике в другой раз поговорим, Павел. Ты час назад у рыбной лавки станичника дернул...

Пашка знал: нужно что-то говорить, отпираться. Но во рту было сухо и шершаво, будто провели наждачной бумагой, а язык не ворочался.

— Да не смотри ты на меня так. Мне твои глазищи ни к чему. Как рассказал станичник про мальчишек, я сразу понял, что ты. Почерк у тебя особый. — Климов встал и прошелся по кабинету, зачем-то выглянул в окно, вернулся к столу и медленно выговорил: — Посажу я тебя в острог. И отправлю потом по этапу.

Пашка приподнялся, быстро сунул руку в карман и протолкнул деньги в штанину. Теперь, когда он встанет, червонцы свалятся в тайник.

— Руки! — Климов брякнул наганом о стол. — Встать! Кругом!

Пашка повиновался. Он почувствовал, что ствол нагана уперся между лопаток, а рука Климова обшарила пустой карман.

— Садись, паршивец. Думал, стрелять собираешься. Испугался. — Климов облегченно вздохнул. — Сказал, посажу, значит, точка. На первой же краже и соришь. Предупреждаю.

Пашка опустил на стул.

— Ты знаешь, что такое... — Климов запнулся, стал оглядывать стол, потом взял какую-то книгу и заглянул в нее, — что такое презумпция невиновности? Не знаешь. Я тоже не очень. — Он на секунду замолчал, потом продолжил: — Такие дела, Павел. Чтобы посадить тебя в острог и отправить потом по этапу, я должен сначала доказать твою вину. Вот ты украл...

— Не крал я, начальник. — Пашка перекрестился.

— Украл, — спокойно сказал Климов. — Ты знаешь, и я знаю, что украл, а посадить тебя не могу.

Пашка попытался опять перебить, но Климов поморщился и застучал трубкой по столу.

— Не хочу я тебя сажать, очень не хочу, Павел, но работа у меня такая... Поэтому, Павел Антонов, если ты

воровать не прекратишь, я тебя поймаю с поличным и тогда... Понял?

— Зря вы горячитесь, гражданин начальник. — Пашка развел руками. — Не ворую я.

— Я тебя предупредил, — сказал Климов и кивнул на дверь. — Иди пока.

Пашка спустился по лестнице, прошел два квартала и только тогда оглянулся. На хвосте никого не было. Не пойдет он к этой Нинке. Пусть сама ищет. А начальничек-то ничего. Ушлый. Все знает. И имя, и фамилию, и сколько лет, и про отца с матерью.

— Америка! — путаясь в штанах, к нему бежал шкет с папиросами. — Дело есть. — И зашептал в самое ухо: — Тебя Серый ищет. Сказал, чтобы ты шел в «Три ступеньки».

— На, держи. — Пашка протянул мальцу червонец. — Завязал я.

— Эх, верное дело было, — вздохнул малец. — Неужто догадалась уголовка?

— Топай, шкет. — Пашка отвернулся.

— Я всегда на своем углу, Америка, если что — свистни.

Пашка сдвинул на затылок шляпу. И откуда он все знает, этот мент? Рассказать Серому или нет? А может, и не ходить? Может, переждать? Деньги есть. Осесть у той же Нинки и переждать? Но ноги сами несли его к «Трем ступенькам».

На стене старого четырехэтажного дома красовалась вывеска ресторана «Встреча», но никто в округе такого ресторана не знал, заведение было известно как трактир «Три ступеньки».

Трактир находился в полуподвале старого дома. К тяжелой дубовой двери вели три щербатые ступеньки. Зимой Пашка не вылезал из этого заведения.

К вечеру здесь собирались деловые люди со всей округи. В задних комнатах начиналась крупная игра.

Со двора заскакивали ребятишки с горячим, левым товаром, шептались с хозяином заведения, отцом Василием (так его звали за привычку непрестанно креститься). Потом рассаживались в зале за круглыми столами. Заходили погреться девочки, и начинались «свадьбы», или «крестины», или «поминки». Гульба всегда имела какое-нибудь пристойное название. Гуляли тихо, говорили чинно и понимали друг друга с полуслова. За всю зиму Пашка не помнит ни одной драки или скандала. В случае надобности предложение «выйти во двор» делалось как бы между прочим. Скандалист в залу не возвращался, и о нем никто не вспоминал.

Но ранней весной появился Серый. Он вошел с двумя здоровыми флегматичными парнями, которые за весь вечер не сказали ни слова. Отец Василий поклонился новым гостям еще ниже обычного и обслужил их сам.

Позже Пашка узнал, что Серый с хозяином «Трех ступенек» старые знакомые.

В тот вечер Серый скромно сидел в углу, ничего не ел и почти не пил. Он внимательно и подолгу рассматривал каждого посетителя, изредка подзывал хозяина и что-то у него спрашивал.

Пашке новичок не понравился сразу. Не понравилась подобострастность отца Василия. Не понравились серое, в темной сыпи лицо, оловянный взгляд больших, навывкате глаз, суетливые руки, животная жадность и молчаливость спутников.

Когда захлопали задние двери и в залу ввалился Петька Вихрь с друзьями и красавицей Варькой, Пашка понял, что быть беде. Отец Василий усадил Петьку в самый дальний угол, кивнул половым, а сам бросился к Серому и стал его о чем-то просить. Тот качал отрицательно головой и не сводил глаз с Варьки.

Пашка не видел, с чего началось, и поднял голову, только когда Вихрь вылез из-за стола, ухмыляясь и многозначительно засунув руки в карманы, пошел к выходу. Но Серый вызова не принял и спокойно сидел на своем месте. Тогда Петька, покачиваясь, подошел к столу Серого. Тот вынул из-под стола руку с пистолетом и выстрелил Петьке в лицо.

Громилы, сидевшие с Серым за одним столом, вскочили и направили наганы на корешей Петьки. Потом поставили их лицом к стене и отобрали пушки и финки. Делали они это быстро, ловко и явно не впервой. Самого Петьку завернули в шубу, выволокли во двор, и через несколько минут знаменитый налетчик отправился в свое последнее путешествие.

Серый в это время сидел безучастно за столом, вертел в руке пустую рюмку и поглядывал на Варьку.

Так он пришел к власти. Теперь Варька спит с Серым, а Петькины кореша у него на побегушках.

Все это не коснулось бы Пашки Америки, но в последнее время Серый стал приглашать его к своему столу. И сейчас предложение явиться в трактир ничего хорошего не предвещало.

Как только Пашка вошел, к нему подлетел половой Николай.

— Заждались тебя, Америка. В кабинет, пожалуйста. — И бросился между столиками. — Сюда.

Серый сидел на диванчике, ковырял вилкой квашеную капусту и что-то выговаривал Варваре. Увидев Пашку, он довольно улыбнулся и, видно заканчивая разговор, сказал:

— Говорю, собирай шмотки, значит, амба.

Варька зевнула, потянулась и подошла к Пашке.

— Пашенька, родненький. — Она обняла его за плечи и заглянула в глаза. — Хоть ты заступись за меня.

Пашка резко отстранился. Уж он-то точно знал, что ласки Варвары добром кончиться не могут.

СОДЕРЖАНИЕ

ТРАКТИР НА ПЯТНИЦКОЙ.....	5
АГОНИЯ	177